

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ — БУРЖУАЗНЫЙ ИСТОРИК И ИСТОЧНИКОВЕД

Л. Черепнин

Конец XIX — начало XX в. в России — период высшей стадии капиталистического развития — империализма — явился вместе с тем временем кризиса буржуазной исторической науки. Среди ряда буржуазных историков наблюдалось стремление к уходу от постановки и разрешения проблем общеисторического значения в область тематики узко специального характера. Появились работы чисто описательного и формально-историко-ведческого характера. В то же время в буржуазной историографии получили распространение крайние идеалистические теории, отрицавшие объективную закономерность исторических явлений и возможность познания законов исторического развития. Буржуазным концепциям присуще отвлечение от действительной исторической жизни и создание идеальнотипических построений, не отображавших реальных явлений. Кризис буржуазной исторической науки являлся отражением в области идеологии надвигающейся гибели капиталистической системы. Адепты капитализма в лице представителей буржуазной историографии противопоставляли растущему рабочему движению, руководимому марксистско-ленинской теорией, реакционные, идеалистические схемы исторического процесса. Против марксистского учения об объективной закономерности истории общества, развитого в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина, буржуазные историки-идеалисты выступали с позиций неокантианской теории.

Кризис буржуазной исторической науки нашёл своё яркое выражение в трудах А. С. Лаппо-Данилевского (особенно в двух томах его «Методологии истории»). В них отразились все наиболее характерные черты буржуазных взглядов того периода на историю как на науку. Не случайно А. С. Лаппо-Данилевского поднимали на щит уже после октября 1917 г. представители буржуазной интеллигенции, испугавшиеся пролетарской революции и враждебно встретившие её.

В некрологе памяти Лаппо-Данилевского, относящемся к 1919 г. и имеющем весьма знаменательный подзаголовок «Опыт истолкования души», И. М. Гревс писал: «А. С. шёл к вечности через науку, философию, природу, жизнь; он мыслил её р е л и г и о з н о; может быть, музыка ближе всего подводила его к мистическому восприятию высшего мирового начала, бога... Революционная буря и ещё раньше война поразила А. С. грозным ударом. Насилие всегда было недопустимо для его нравственного сознания. Может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная, явилась протестом против совершавшегося, разливавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, насилия, кровопролития»¹. Эти высказывания говорят сами за себя. Явные выпады против революционной советской действительности сочетаются у Гревса с попыткой представить Лаппо-Данилевского носителем высших религиозных идеалов, пришедших в конфликт с этой действительностью и приведших к его гибели. Классовый смысл подобной характеристики выступает совершенно отчётливо. Лаппо-Данилевский был поднят на щит буржуазной интеллигенцией, выступавшей против Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Гревс И. А. С. Лаппо-Данилевский («Русский исторический журнал». Кн. 6-я, 1920, стр. 78—79).

В том же направлении построен и появившийся одновременно с некрологом И. М. Гревса очерк А. Е. Преснякова «А. С. Лаппо-Данилевский как учёный и мыслитель». «Носитель и деятель старой, зрелой культуры,— писал А. Е. Пресняков,— А. С. сошёл с житейской сцены в годину её глубокого кризиса. И невольно думается, что при всей безвременности и жуткой, роковой случайности этой кончины есть в ней трагическое соответствие историческому моменту, переживаемому нашей родиной вместе со всем цивилизованным миром. Это момент не только кризиса, но прямого распада старой культуры... Всё минется, одна правда останется. Служение А. С. Лаппо-Данилевского этой правде, истине, было служением неустрашимой «абсолютной ценности», которая выдержит всякий кризис и даст, по существу, выход из всякого распада временных и относительных исторических форм к строению новой, дальнейшей жизни»². В оценке Лаппо-Данилевского Пресняковым, так же, как в очерке Гревса, имеется явно выраженная тенденция изобразить его буржуазную идеологию как мировоззрение, носящее характер непреходящей истины. Лаппо-Данилевский выступает в качестве носителя начал «абсолютной ценности», «вечной правды», которые пытается смести революция. Статья Преснякова, как и некролог Гревса, отражает реакционные настроения буржуазной интеллигенции, вызванные победой революционного пролетариата.

Разбор трудов А. С. Лаппо-Данилевского имеет особо важное значение не только потому, что в них нашло своё отражение реакционное, идеалистическое мировоззрение целой группы буржуазных историков накануне и непосредственно после Октябрьской социалистической революции, но и потому, что вредное влияние его методологии на историческую науку давало себя в той или иной мере чувствовать до недавнего времени.

В советской историографии до сих пор отсутствует марксистская критика теоретических взглядов Лаппо-Данилевского. Так же, как и буржуазная литература, появившаяся в 1919 г. в связи со смертью Лаппо-Данилевского, «Материалы для его биографии», выпущенные Академией наук СССР в 1929 г.³, представляют апологию его идеалистической теории. Переиздание в 1923 г. первого выпуска «Методологии истории» Лаппо-Данилевского вызвало появление в журнале «Под знаменем марксизма» краткой заметки М. Н. Покровского. Последний дал порочную, буржуазно-объективистскую оценку рецензируемого им труда. М. Н. Покровский считал, что Лаппо-Данилевский, «как полагается академику, пытается самым объективным образом изложить в хронологическом порядке все методологические взгляды по истории, которые высказывались от сотворения мира до наших дней, и делает это с большой добросовестностью... В общем, безусловно, полезно пользоваться этой книгой для справок. Из неё даже можно извлечь кое-что новое. Но как теоретическая работа она никакого интереса не представляет». Несмотря на то, что этот отзыв Покровского был перепечатан в сборнике «Историческая наука и борьба классов»⁴, в нём совершенно отсутствует попытка дать классовый анализ мировоззрения Лаппо-Данилевского как одного из представителей философской школы неокантианства.

Об «объективности» и «добросовестности» Лаппо-Данилевского можно в достаточной степени составить представление по его отношению к диалектическому материализму. Книга Лаппо-Данилевского построена в полемическом плане по отношению к классическому труду В. И. Ленина

² Пресняков А. А. С. Лаппо-Данилевский как учёный и мыслитель («Русский исторический журнал». Кн. 6-я, 1920, стр. 96). Ср. Пресняков А. А. С. Лаппо-Данилевский, стр. 44—45. Пг. 1922.

³ «Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского». Сост. А. И. Андреев. М.-Л. 1929.

⁴ Сборник «Историческая наука и борьба классов», вып. II, стр. 97—104. М.-Л. 1933.

«Материализм и эмпириокритицизм», в котором Ленин показал, «на чём свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное»⁵. Лаппо-Данилевский в своей книге как раз защищает то реакционное мировоззрение, против которого боролся Ленин. Он выступает в защиту ревизионизма, видя прогресс в «постепенной замене материалистических основ социалистического понимания истории трансцендентально-идеалистическим»⁶. Лаппо-Данилевский выдаёт замену диалектического материализма реакционной идеологией ревизионизма за поступательный ход теоретической мысли. Он не желает понимать классовой сущности реакционных философских направлений, так как вообще отвергает классовую борьбу. Ревизию марксизма Лаппо-Данилевский характеризует как его принципиальную переработку, заставившую «самих блюстителей исторического материализма пересмотреть его предпосылки»⁷. И подобные антиленинские положения Лаппо-Данилевского М. Н. Покровский называет объективным изложением в хронологическом порядке методологических взглядов на историю!

Лаппо-Данилевский, будучи последовательным врагом марксизма, брал под свою защиту всех ревизионистов. Переиздание, причём с новыми разделами, направленными против марксистско-ленинской теории, его книги в 1923 г. свидетельствовало об активизации враждебных революции настроений уже после ликвидации интервенции и окончания гражданской войны.

Буржуазно-объективистский подход к Лаппо-Данилевскому как представителю русской буржуазной историографии характерен и для Н. Л. Рубинштейна. Давая общую оценку Лаппо-Данилевскому, Рубинштейн указывает, что «он выделяется в ряду историков рассматриваемого периода (периода империализма.— Л. Ч.) исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ». Прежде всего Н. Л. Рубинштейн отмечает «видное место», занятое Лаппо-Данилевским «в развитии русского источниковедения», «созданием дипломатики частных актов». Рассматривая тематику конкретных исследований Лаппо-Данилевского, Н. Л. Рубинштейн видит в них отражение «общего роста научного интереса к вопросам экономической и социальной истории», хотя изучаемые автором явления трактуются с точки зрения «государственного направления». Наконец, Н. Л. Рубинштейн отмечает обращение Лаппо-Данилевского «к философско-историческим и методологическим вопросам, которым был посвящён его специальный курс «Методология истории». И только в этой связи Н. Л. Рубинштейн подчёркивает по-настоящему идеалистический характер мировоззрения Лаппо-Данилевского. «Чем шире ставит буржуазный историк синтетические задачи,— говорит Н. Л. Рубинштейн,— тем резче сказываются его идеалистические позиции». Это проявилось в том, что в своей «исторической работе» Лаппо-Данилевский исходил из неокантианской философско-исторической концепции Риккерта. «Риккертовское понятие «абсолютных ценностей» приобретает у Лаппо-Данилевского определённый этико-религиозный характер и тем самым служит переходом к философско-религиозной концепции истории в духе шеллингианства, раскрывающейся в истории всего человечества, как «исторического целого», как «великой индивидуальности»⁸.

В этой характеристике Лаппо-Данилевского Н. Л. Рубинштейном принципиально неверным является то, что Лаппо-Данилевский выступает, по существу, в трёх лицах. С одной стороны, это новатор в области исторического источниковедения, «создатель» особой вспомогательной исто-

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 8. 4-е изд.

⁶ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. I, стр. 260. Пг. 1923.

⁷ Там же.

⁸ Рубинштейн Н. Русская историография, стр. 502—503. М.-Л. 1941.

рической дисциплины — дипломатики (особенно дипломатики частных актов). С другой стороны, Лаппо-Данилевский — автор конкретно-исторических работ с уклоном в область социально-экономической тематики. Наконец, в области философии и методологии истории Лаппо-Данилевский — выразитель идей неокантианства. Неясно из изложения Н. Л. Рубинштейна, в какой мере на конкретно-исторических работах А. С. Лаппо-Данилевского сказались его общее философское мировоззрение и в какой мере связаны с теоретическими взглядами Лаппо-Данилевского его источниковедческие приёмы. Такой разрыв общей концепции — методологии исторического построения и методологии источниковедения — абсолютно неверен. «Методология истории» Лаппо-Данилевского распадается на две части, из которых первая посвящена вопросам теории исторического знания, вторая — теории изучения исторических источников. Обе части органически связаны между собой общим неокантианским мировоззрением с его отрывом мышления от бытия, сознания от материи, явления от вещи в себе, формы от содержания, свободы от необходимости, единичного от общего, должного от действительного. «Очерк дипломатики частных актов» Лаппо-Данилевского написан с тех же теоретических позиций, что и «Методология истории». Наконец, в исследованиях на конкретно-исторические темы имеется отпечаток общей философской системы, защищаемой автором. Таким образом, всё научное наследие Лаппо-Данилевского надо рассматривать под углом зрения его идеалистической методологии.

Целью настоящей статьи является показать, что «методологию источниковедения» Лаппо-Данилевского и её практическое применение на конкретно-историческом материале нельзя понять вне связи с его общими представлениями о задачах исторической науки, вне связи с основами той теории исторического знания, которые он развивал в своих трудах общеприкладного и конкретно-исторического характера.

★
Время формирования мировоззрения Лаппо-Данилевского как буржуазного историка-идеалиста и его начальных литературных опытов совпало с развитием капиталистических отношений после реформы 1861 г., началом стачечного движения, образованием первых марксистских организаций. Воспитанный ещё в юношеские годы, проведённые в усадьбе отца (село Удачное, Екатеринославской губернии), на идеалистической философии, настроенный религиозно-мистически, А. С. Лаппо-Данилевский в Петербургском университете, куда он вступил в 1882 г., формируется окончательно как историк-идеалист реакционного типа. Развитию его взглядов способствовало «Студенческое научно-литературное общество» под председательством О. М. Миллера, объединявшее, как указывает И. М. Гревс, «идеалистическое (т. е. реакционное. — Л. Ч.) студенчество»⁹. Известно, что в этом кружке Лаппо-Данилевский выступал с построенной им «теорией исторического процесса». Идеалистические взгляды Лаппо-Данилевского нашли отражение в его дневнике, так называемой «Зелёной книжке». В год поступления в университет он записывает в ней свои критические рассуждения по поводу материализма: «Песчинка в громадной пустыне, атом в неизмеримом теле. — вот что человек материальный пред вселенной и человек духовный пред богом. Как ум наш не может постигнуть абсолютной бесконечности вселенной, так душа не может узнать абсолютного божества, бога. И в то и в другое мы должны верить. А между тем учёные матерьялисты верят лишь в то, что доказано опытом. Безумные»¹⁰. Итак, уже в студенческие годы определилось крайне правое место Лаппо-Данилевского в лагере

⁹ Гревс И. Указ. соч., стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 52.

официальной буржуазной историографии, против которой вели борьбу с позиций материалистической теории представители передовой революционной демократии (Добролюбов, Чернышевский) и впоследствии Плеханов. Поэтому уже в своих студенческих работах («Скифские древности»¹¹ и др.) Лаппо-Данилевский выступает с позиций крайнего идеализма.

Начало научной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского приходится на 90-е годы XIX в. и первые годы XX столетия. В этот период в России оформляется передовая революционная марксистско-ленинская теория. В классических трудах В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) и «Развитие капитализма в России» (1899 г.) была раскрыта закономерность исторического развития России, определяющаяся ростом производительных сил и изменениями в производственных отношениях, показаны пути складывания капиталистических отношений в недрах феодального строя, установление капиталистической системы и неизбежность её гибели. Передовая марксистско-ленинская историческая наука развивалась в борьбе с буржуазной наукой, защищавшей реакционные, идеалистические позиции. Лаппо-Данилевский выступает в этот период как сторонник идеалистической государственной теории исторического процесса, восходящей к Чичерину, Градовскому и др.

Сложившуюся государственную теорию Лаппо-Данилевский развернул уже в одном из ранних трудов обобщающего характера, явившемся его магистерской диссертацией, — «Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований». С точки зрения изучения исторических взглядов Лаппо-Данилевского представляет интерес прежде всего его предисловие к этой книге. Отмечая недостатки своего труда, автор указывает, что они могут быть оправданы «искренним желанием изучать те или иные явления без всяких предубеждений, стремлением к истине, стремлением, в силу которого душа болезненно рвётся на простор, хотя и прикована тяжёлыми цепями к миру конкретных представлений, сознание мучительно бьётся в железной клетке, но согревается надеждой когда-либо вылететь на чистый воздух, возвратиться на лоно природы и отождествить своё я с мировым бытием»¹². Заявление выразительное! Лаппо-Данилевский взял для исследования тему конкретно-исторического порядка, требующую анализа прежде всего социально-экономических отношений, способа производства, классовой структуры общества. Но область «конкретных представлений» не удовлетворяла автора-идеалиста, и он «рвался» в мир «абсолютных ценностей», оторванный от реальной действительности. Другими словами, из области научного изучения объективных законов общественного развития автор стремился уйти в сферу мистических представлений, ничего общего не имеющих с наукой.

Может быть, это просто крылатая фраза? Нет. Мотивируя отказ от познания исторической закономерности, Лаппо-Данилевский развивает теорию о двух возможных направлениях исторической мысли: обобщающем и индивидуализирующем (или, по его же позднейшей терминологии: номотетическом и идиографическом). Первое направление свойственно всеобщей истории, которая «занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству, или, по крайней мере, цивилизованной его части». Специальное же изучение исторического развития «известной народности, напротив, стремится к определению специфических её

¹¹ См. «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Т. 4. СПб. 1887.

¹² Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований, стр. IV. СПб. 1890.

признаков»¹³. Каждую национальность Лаппо-Данилевский рассматривает как проявление особого исторического «типа», причём характерными признаками этого типа являются признаки государственные.

Движущей силой исторического процесса служит для Лаппо-Данилевского «идея государства», которая в России нашла своё наиболее яркое выражение в XVII веке. Разложение родовых отношений, «на которых основан был патриархальный строй древнерусского общества», постепенно приводит к «осуществлению» «идеи государства», «олицетворённой в царской власти». «Идея национального независимого Русского государства» оживлялась «духом народного самосознания». Но развитие великорусской народности было односторонним. Оно сказывалось «в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, а не в историческом разностороннем движении всей совокупности народных сил». Поэтому изучение XVII в., которое предпринял автор, с его точки зрения, «сводится главным образом к ознакомлению с правительственной историей». «Монархический принцип» был связан с «милитаризмом», так как государство должно было вести войны за свою самостоятельность. Под влиянием военных потребностей возникла финансовая система. В организации прямого обложения государственные интересы выдвигались на первый план, «перед ними стиралось значение каждого отдельного лица». В податной системе «получали всё большее и большее значение государственные начала: сливая отдельные личности в одном общем понятии о платёжной силе», изучаемая финансовая система «стремилась и в значительной мере достигла уничтожения частных податных привилегий». Организация податного обложения, по мысли Лаппо-Данилевского, «не вселяла в народных массах полного отвращения к мысли о необходимости служить государственным интересам; напротив, она в известной мере подготавливала общественное сознание к мысли о том, что государственное хозяйство должно быть основано не на случайных средствах, а на собственном народном труде. В этой роли заключалось её жизненное значение, залог дальнейшего развития одного из государственных устоев великорусской национальности»¹⁴.

Перед нами государственная теория исторического процесса в её крайнем предомлении. Движущей силой истории является «идея государства», «монархический принцип». Эта «идея» находит поддержку в «общественном сознании», и в результате получается гармония «государственных интересов» и интересов «народных масс». «Идея» государства декларируется как «абсолютная ценность». Эта ценность постепенно познаётся общественным сознанием, которое выступает как самодовлеющая сила. «По мере того, как росло и крепло Московское государство, в обществе развивалось сознание тех обязанностей, какие падали на его членов». Это сознание «легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественною мыслью»¹⁵. Итак, перед нами идеалистическая концепция, утверждающая, что исторический процесс совершается в форме развития идей, лишённых какого-либо классового содержания.

В условиях развития внутренних противоречий капиталистического строя не случайно сложилась схема Лаппо-Данилевского, усиленно подчёркивавшая значение государственной власти как фактора, регулирующего явления социально-экономической жизни, мобилизующего народные массы на выполнение государственных заданий. В этой схеме нашла своё отражение буржуазная идеология, стремившаяся затушевать тот «раскол общества на враждебные классы», на основе которого возникло государ-

¹³ «Диспут А. С. Лаппо-Данилевского» («Историческое обозрение». Т. 1, стр. 284. СПб. 1890).

¹⁴ Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения..., стр. 501—507. «Диспут А. С. Лаппо-Данилевского» («Историческое обозрение». Т. 1, стр. 285).

¹⁵ Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения..., стр. 501—507.

ство, для того чтобы «держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства»¹⁶.

Не случаен, конечно, и интерес Лаппо-Данилевского к XVII в. — переломному периоду в социально-экономической и политической истории России. Но в чисто идеалистическом плане Лаппо-Данилевский рассматривает эту эпоху не как определённый этап в развитии феодального строя, когда постепенно развиваются элементы, разлагающие феодальную систему хозяйства, а как идеальнотипическое построение, основанное на выявлении норм государственного устройства. В этом отношении Лаппо-Данилевский являлся представителем целого течения буржуазной историографии конца XIX — начала XX века. Достаточно назвать несколько позднее появившиеся работы Н. П. Павлова-Сильванского о русском феодализме, построенные в плане изучения юридических институтов феодального строя и считавшие признаком разложения феодализма падение удельной системы и переход к новой государственной форме — сословнопредставительной монархии. В этой же связи надо указать и на «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С. Ф. Платонова, в которых «Смутное время» рассматривается как государственный кризис, а установление династии Романовых — как ликвидация этого кризиса.

Революционная марксистско-ленинская историческая наука противопоставила этой буржуазной, идеалистической концепции строго научную оценку XVII в., с которого «примерно» начинается «новый период русской истории». В противовес «идеально типическим» построениям буржуазной историографии, рассматривавшим государство как надклассовую силу, определяющую характер исторического развития, марксистско-ленинская историческая наука поставила задачей изучение экономических явлений как первоочередных и указала на связь государственной централизации с процессом образования всероссийского рынка. Когда В. И. Ленин, возражая Михайловскому, писавшему, что национальные связи «это — продолжение и обобщение связей родовых», подчёркивал, что «Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов»¹⁷, то он бил и по Лаппо-Данилевскому.

Общая историческая концепция Лаппо-Данилевского связана и с его методологией исторического источниковедения. Очень важно, что Лаппо-Данилевский ввёл в научный оборот новый документальный материал¹⁸. Очень важно, что он одним из первых выдвинул задачу изучения писцовых книг как исторического источника. Этот вопрос был им поставлен и в специальных статьях¹⁹ и в магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований», но решён был с неверных позиций. Ряд страниц в названном труде Лаппо-Данилевский посвящает установлению ценности писцовых книг как исторического источника, т. е. занимается (говоря его позднейшими словами) критикой, «устанавливающей научно-историческую ценность показаний источника о факте»²⁰.

«Организация прямого обложения», как указывалось, — ранняя работа Лаппо-Данилевского. Она появилась в то время, когда ещё не сложилась в законченном виде система его философско-исторических взглядов. Поэтому, конечно, было бы неправильным пытаться раскрыть взаимную связь

¹⁶ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 604. 11-е изд.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137. 4-е изд.

¹⁸ «Кормленная книга Костромской чети 1613—1627 г.» («Русская Историческая Библиотека» (РИБ). Т. XV. СПб. 1894). «Писцовая и переписная книга XVII в. по Нижнему Новгороду» (РИБ. Т. XVII. СПб. 1898); «Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву» (там же) и т. д.

¹⁹ Например, «Какое значение имели «приправочные» книги в XVII в.?» («Библиограф» № 8—9 за 1889 г., отд. I, стр. 167—169).

²⁰ Лаппо-Данилевский А. Очерк русской дипломатики частных актов, стр. 91. Пг. 1920.

между теоретическими высказываниями Лаппо-Данилевского в его «Методологии истории» и их практическим применением в монографии, посвящённой организации прямого обложения. Однако общее направление в области постановки задач источниковедческой работы, как оно вырисовывается в рассматриваемой монографии, намечает позднейшие теоретические обобщения автора по вопросам источниковедения.

Автор утверждает, что «писцовые книги не могли служить вполне точным и удовлетворительным источником сведений». Причины этой неточности автор видит: 1) в «плохой теоретической постановке вопроса о народных переписях в России»; 2) в «уловках, употребляемых населением для облегчения от податного бремени»; 3) в «небрежности, невежестве и злонамеренности писцов»²¹. Писцовые книги «служили, главным образом, источником для определения того значения, какое имела данная местность в финансовом отношении, причём сообщали верное понятие о том, что она должна была дать по предположению правительства, но не о том, что могла дать и действительно давала казне». Для решения вопросов другого рода, «например, для определения количества всего населения, писцовые книги не могут служить вполне удовлетворительным источником; сообщаемые ими сведения почти всегда следует считать за минимум того, что должно было бы быть, но чего мы в точности определить не можем»²². Отметим недостатки писцовых книг, Лаппо-Данилевский в дальнейшем, несколько противореча самому себе, говорит о их «громадном значении», обнаруживаемом «даже при поверхностном знакомстве с ними». «Вообще можно сказать, — пишет автор, — что народные переписи, производившиеся в Московском государстве с XV века до второй половины XVII в., за немногими исключениями, едва ли имели равные им правительственные предприятия в Западной Европе за тот же период времени».

Соответствующий раздел труда А. С. Лаппо-Данилевского оставляет у читателя впечатление некоторой противоречивости, в то же время остаётся неясным, в чём же заключается ценность писцовых книг.

Недостаток критики писцовых книг, произведённой Лаппо-Данилевским, объясняется тем, что он исходит из предпосылки, что каждый источник может выступать в двойной роли: и как «источник» и как «явление». Впоследствии эти взгляды он пытается теоретически обосновать в своих трудах по «методологии истории». Давая источниковедческую критику писцовых книг, Лаппо-Данилевский не подходит к оценке их как явлений конкретно-исторической действительности, не рассматривает совокупность тех исторических условий, которые на протяжении XVII в. вызывали составление писцовых книг и определяли их состав и характер. Он подходит к критической оценке писцовых книг только с точки зрения соблюдения ими некоторых «общих правил регистрации» и на основе этого критерия делает заключение о невозможности считать писцовые книги «таким же точным источником сведений, каковы современные статистические данные»²³. Применение к источнику XVII в. требований статистического учёта XIX столетия свидетельствует об отсутствии у А. С. Лаппо-Данилевского исторического подхода к изучаемым материалам.

Неправильная предпосылка Лаппо-Данилевского, что источники надо изучать раздельно: в качестве «источников» и в качестве «явлений», — привела к тому, что писцовые книги получили в труде автора рассмотрение лишь как «основание правительственного оклада», как «поземельный кадастр», т. е. как материал, характеризующий фискальную правительственную политику, как источник «регулятивного» характера. Значение писцовых книг как материала, рисующего реальную экономику страны, формы

²¹ Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения..., стр. 213.

²² Там же, стр. 214.

²³ Там же, стр. 206.

землевладения и хозяйства, социальные взаимоотношения в феодальной деревне, не раскрыто.

Пороком источниковедческих предпосылок Лаппо-Данилевского, в последствии теоретически обобщённых в его методологических трудах, является также стремление к построениям идеально-типического характера как чисто мыслительным конструкциям, затушёвывающим конкретные исторические явления. Автор видит один из недостатков писцовых книг в несоблюдении правила, «по которому необходимо, чтобы для производства переписи избран был такой период времени, когда явления, подлежащие наблюдению, выступают в своём чистом, типическом виде». «Как известно, — пишет Лаппо-Данилевский, — едва ли не все переписи XVII в. произведены именно в то время, когда нарушено было нормальное течение народной жизни, и даже вызывались, главным образом, такого рода нарушениями»²⁴. Для историка-марксиста представляется очень важной задачей изучить те хозяйственные изменения в жизни страны, которые нашли своё отражение в писцовых книгах: экономический кризис конца XVI в., разорение в результате событий польско-шведской интервенции и т. д. Для Лаппо-Данилевского все эти хозяйственные сдвиги являются досадным отклонением от «нормального течения народной жизни».

Автор и здесь занимает позицию явно неокантианского характера. Говоря о своём стремлении наблюдать явления в их «чистом, типическом виде», он имеет в виду не явления реальной жизни, а идеальные типы в качестве мыслительных конструкций, не отражающих тенденции конкретного исторического развития. Суть кантианства Лаппо-Данилевского заключается в признании испознаваемости «вещей в себе», в установлении непроходимой пропасти между ними и явлениями.

Тяга к идеально-типическим построениям как чисто мыслительным конструкциям тесно связана у Лаппо-Данилевского и с другим методологически неверным приёмом изучения писцовых книг: автор оперирует «средними цифрами», стирающими все особенности социально-экономических отношений, мешающими правильному, классовому анализу изучаемых исторических явлений. Метод «средних цифр» лежит в основе ряда статистических таблиц, приложенных к книге Лаппо-Данилевского. Этот же метод Лаппо-Данилевский обосновывает и в своих позднейших работах. В отзыве на книгу А. И. Никитского «История экономического быта Великого Новгорода» Лаппо-Данилевский ставит автору в вину, что он «оставляет без всякого употребления» «метод средних величин и числовых отношений»²⁵. В предисловии к изданию писцовых книг XVII в. по Нижнему Новгороду Лаппо-Данилевский пишет: историк должен, «не довольствуясь одними примерами, из массы наблюдений выводить средние величины, обнаруживающие хотя и более отвлечённые, но зато и более общие черты изучаемых явлений»²⁶. В идеалистическом понимании Лаппо-Данилевского задача историка сводится, таким образом, не к познанию конкретных закономерностей объективной исторической действительности, а к выведению «средних цифр», которые затушёвывают объективные законы.

Передовая марксистско-ленинская историческая наука противопоставила буржуазному источниковедческому методу выявления средних цифр как «отвлечённых» фикций подлинно научный, статистический метод, раскрывающий классовую сущность реальной исторической действительности. Критика буржуазной статистики Лениным в его труде «Развитие капитализма в России» прямо бьёт по Лаппо-Данилевскому.

²⁴ Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения..., стр. 205.

²⁵ «Критические заметки по истории народного хозяйства в В. Новгороде и его области за XI—XV вв.». Отзыв А. Лаппо-Данилевского о сочинении А. И. Никитского «История экономического быта В. Новгорода», стр. 56. СПб. 1895.

²⁶ РИБ. Т. XVII. СПб. 1896.

Дальнейшие работы Лаппо-Данилевского, относящиеся к 1890—1900-м годам, развёртывались в четырёх основных направлениях. Во-первых, он продолжал изучение проблемы феодализма в плане истории России XVII в. как «государственного национального типа». Во-вторых, занимался изучением ряда тем политической и общественной жизни XVIII столетия, времени зарождения в России капиталистических отношений. В-третьих, попытался разрешить вопрос о взаимоотношении «всеобщей» истории с историей «национальной». Наконец, Лаппо-Данилевский вплотную подошёл к общефилософским проблемам, наметив основные положения своей неокантианской системы. Несмотря на разнообразие тематики, все работы Лаппо-Данилевского ведут к одной основной проблеме, поставленной в плане буржуазной методологии: о путях развития России как «национального типа». Все эти работы построены на общем методологическом, идеалистическом по своей сущности базисе²⁷.

В этих работах Лаппо-Данилевский давал картину крестьянского закрепощения, исходя из неверной методологической предпосылки — о прогивоположности интересов государства и частных интересов земледельческого класса — и отрицая, таким образом, значение государства как органа классового господства.

Порочная концепция Лаппо-Данилевского по основному вопросу истории феодальной формации — вопросу о крестьянском закрепощении — отражает целое течение в буржуазной историографии. Та же концепция в дальнейшем получила развитие и в статье П. И. Беляева «Древнерусская сеньерия и крестьянская крепость»²⁸, и в теории феодализма как «системы политически соподчинённых государственных сословий, обязанных каждое нести своё тягло на пользу государственного целого», выдвинутой Д. М. Петрушевским²⁹, исходившим из итогов, к которым пришла буржуазная «государственная школа» XIX в., и, наконец, в теории имунитета как «нормальной формы управления со стороны князей», развитой С. Б. Веселовским³⁰.

Уже ко времени появления рассмотренных трудов Лаппо-Данилевского В. И. Ленин дал научное определение феодального способа производства и показал процесс закрепощения крестьян феодалами методами внеэкономического принуждения. Именно эти ленинские указания, выявившие неправильность пути, по которому шли Лаппо-Данилевский и другие представители буржуазной историографии, легли в основу трудов советских историков, посвящённых истории крестьянства, в первую очередь труда Б. Д. Грекова³¹.

Буржуазная историография, ставя проблемы русского феодализма, естественно, не могла оставить без внимания и вопросы, связанные с зарождением капиталистических отношений в России. Отсюда вторая тема исследований Лаппо-Данилевского: история XVIII века. Его общая идеалистическая государственная концепция русской истории XVIII в. наметилась ещё в магистерской диссертации, где он ставил вопрос о «перерождении» «родовых отношений» как основы «патриархального строя

²⁷ Вопросам социальной и политической истории XVII в. посвящены труды Лаппо-Данилевского: «Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв.» («Историческое обозрение». Т. III, отд. I за 1891 г., стр. 109—133); «Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв.» (Отзыв о книге М. А. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв.» СПб. 1898); «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» («Крестьянский строй», сборник статей. Т. 1, СПб. 1905).

²⁸ «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1906, октябрь — ноябрь.

²⁹ Петрушевский Д. Очерки из экономической истории средневекового общества и государства, стр. 76. М.-Л. 1928.

³⁰ Веселовский С. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 83. М. 1926.

³¹ Греков Б. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в. М.-Л. 1946.

древнерусского общества» «в религиозные и экономические формы», «в юридически определённые и самостоятельные общественные союзы»³². Под углом зрения взаимоотношения государства и «общественных союзов» Лаппо-Данилевский в своём курсе, читанном в Петербургском университете, дал идеалистическую периодизацию истории России XVIII века. Его схема сводилась к преобладанию правительственной власти над «общественными силами» при Петре, ослаблению правительства и преобладанию «общественных сил» (особенно дворянства) при ближайших преемниках Петра, взаимодействию правительства и общества при Екатерине II и прекращению этого взаимодействия в конце XVIII столетия³³. Таким образом, исторический процесс в представлении Лаппо-Данилевского протекает не в форме борьбы классов, а в форме взаимодействия надклассового государства и бесклассового общества.

Вторым стержнем общественного развития, согласно схеме Лаппо-Данилевского, в этой части, восходящей к Кавелину, является взаимоотношение личности и общества или сословия. Постановка этой проблемы в историографии конца XIX — начала XX в. отвечала запросам русской буржуазии, под видом защиты прав личности отстаивавшей свои классовые интересы от надвигавшейся революции.

Общая схема истории России XVIII в., намеченная Лаппо-Данилевским в университетском курсе, получила более конкретное развитие в ряде его специальных очерков. В очерке «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» автор ставит вопрос о развитии капитализма, в результате чего возникают предпринимательские компании. Но история компаний ставится Лаппо-Данилевским в связь не с внутренним процессом роста капиталистических отношений, а с изменениями правительственной политики: «На первых порах» компании не вызвали «больших забот со стороны правительства», затем в течение первой половины XVIII в. они попали «в очень благоприятные условия» и пользовались «покровительством со стороны правительства», а потом «снова лишились его». По мнению Лаппо-Данилевского, в истории компаний «уничтожение таможен» имело меньшее значение, чем «перемена правительственной политики касательно фабрик и торгов»³⁴. Дав на основании анализа конкретно-исторического материала описание ряда компаний, автор характеризует позицию русского правительства по вопросу о компанейских привилегиях. «Правительство стало убеждаться в том, что хозяйственные выгоды частных лиц далеко не совпадают с нуждами народного хозяйства»³⁵. Итак, по мнению Лаппо-Данилевского, бесклассовое правительство выступает в роли защитника «нужд народного хозяйства», ограничивая аппетиты частных лиц. Это положение вполне соответствует общей государственной схеме Лаппо-Данилевского, идущей ещё от его магистерской диссертации, о значении правительственной власти в деле организации народного хозяйства.

Развитию той же точки зрения посвящён и «Очерк внутренней политики Екатерины II». Смысл этой политики автор видит в «попытке водворить правомерные отношения сословных групп друг к другу и к государственной власти». Благодаря Екатерине «русское общество, как совокупность этих групп, получило несколько более самостоятельное значение в государстве, а деятельность подчинённых властей приобрела большую закономерность»³⁶. Предложенная Лаппо-Данилевским трактовка реформ

³² Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения..., стр. 501.

³³ Курс 1893—1894 годов. Указание на этот курс см. у А. Преснякова. А. С. Лаппо-Данилевский, стр. 78.

³⁴ Лаппо-Данилевский А. Русские торговые и промышленные компании, стр. 7. СПб. 1899.

³⁵ Там же, стр. 123.

³⁶ Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики Екатерины II, стр. 42. СПб. 1898.

Екатерины является методологически несостоятельной. Сущность классовых позиций, отразившихся в этой трактовке, раскрыл В. И. Ленин в статье, направленной против П. Г. Виноградова. «В отличие от европейской буржуазии, — писал В. И. Ленин, — которая была в своё время революционной и десятки лет спустя становилась на сторону реакции, наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может, по классовому положению, хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа»³⁷.

Это указание В. И. Ленина вполне разъясняет смысл теории Лаппо-Данилевского о «правомерных отношениях государства» к «сословным группам» и «сословных групп» друг к другу. Разъясняет оно и смысл высказываний Лаппо-Данилевского по поводу взаимоотношения «личности» и «общества». Реформа Петра «расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность». Но судьба «личного начала» была поставлена «в зависимость от образования прочных, сословно-общественных групп, в пределах которых личность и продолжала развиваться»³⁸. Буржуазный историк, отстаивая интересы личности, по существу, отстаивает классовые позиции буржуазии.

Разобранные выше взгляды Лаппо-Данилевского нашли своё отражение и в ряде других его работ, посвящённых XVIII веку³⁹. Развитие капиталистических отношений в конце XIX — начале XX в., вступление капитализма в высшую стадию — империализм — ставили перед русской буржуазией вопросы о её связях и противоречиях с буржуазией других стран, о её роли на международном рынке. Эти вопросы получили отражение и в буржуазной историографии в форме постановки проблемы об истории «национальной» и «всеобщей». Лаппо-Данилевский уделил место этой проблеме в специально разработанных им «Материалах для плана общеобразовательного курса по истории человечества». План этот составлен в духе буржуазного космополитизма. «История человечества» трактуется автором как история «европейской цивилизации». Борьба за колонии, которую вели капиталистические страны, рассматривается как «основание правовых государств» и «образование политического правопорядка» в европейских колониях, «перенесение цивилизации Европы в другие страны». Последний период в «истории человечества» (эпоха капитализма второй половины XIX в.), представляющий собой подготовку к разделу мира между капиталистическими странами, определяется Лаппо-Данилевским как «развитие общеевропейской международно-правовой цивилизации на земном шаре». Под это понятие подводится и система «международно-правовых отношений между государствами с европейской культурой» (система вооружённого нейтралитета и вооружённого мира, международные третейские суды и т. д.) и «образование общеевропейского культурного фонда идей в области искусства и литературы»⁴⁰. История «национальная» в этой схеме стирается в истории «всеобщей». В целом перед нами концепция идеолога империалистической буржуазии.

Указанные выше три направления, по которым развёртывалась работа Лаппо-Данилевского в начале его деятельности, исходили из общих идеалистических методологических предпосылок. И уже в это время Лаппо-Данилевский пытается теоретически обосновать свои идеалистические

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 219—220.

³⁸ Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики Екатерины II, стр. 15—16.

³⁹ «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Екатерины II». СПб. 1897; «И. И. Бецкой и его система воспитания» (Отзыв о сочинении П. И. Майкова: «И. И. Бецкой. Опыт биографии»). СПб. 1904 и др.

⁴⁰ Лаппо-Данилевский А. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества («Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900—1901 гг.», стр. 87—101. СПб. 1902).

позиции, правда, пока ещё не в форме их положительного изложения, а в форме критики философской теории позитивизма. Этому вопросу посвящена его статья «Основные принципы социологической доктрины О. Конта»⁴¹. Позитивизму Конта Лаппо-Данилевский противопоставляет кантовский идеализм.

После поражения первой русской революции 1905—1907 гг. наступила реакция. «Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплёвывали революцию, издевались над ней... В области философии усилились попытки «критики», ревизии марксизма, а также появились всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами. «Критика» марксизма стала модой. Все эти господа, несмотря на всю их разношёрстность, преследовали одну общую цель — отвратить массы от революции.. Перед марксистами стояла неотложная задача ...отстоять ...теоретические основы марксистской партии»⁴². Эту задачу выполнил В. И. Ленин в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в 1909 году.

В те же годы столыпинской реакции появился в печати двухтомный курс «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, выпущенный первым изданием в 1910—1913 гг. и определивший направление его работ в это время. Эта книга явилась выражением взглядов буржуазии, испугавшейся революции и попытавшейся с идеалистических позиций неокантианства подвергнуть критике научное марксистско-ленинское учение об объективной закономерности исторического процесса, неизбежно ведущей к краху капитализма. Критика основ правильного понимания истории, как науки об объективных законах развития человеческого общества, которой, по существу, посвящена «Методология истории» Лаппо-Данилевского, «смыкалась с общим походом реакции против партии, против революции»⁴³.

Лаппо-Данилевский исходит из деления наук на два разряда: обобщающие (номотетические) и индивидуализирующие (идиографические). «По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не по познаваемым «предметам» или «процессам» познания, — пишет он, — стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом, получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле, другие — с точки зрения идиографической (чисто «исторической»); такова история в широком смысле, т. е. история природы и человечества»⁴⁴.

Подобная порочная антитеза естествознания (в широком смысле) как науки, стремящейся установить законы природных явлений, и истории как науки, рассматривающей события прошлого с точки зрения установления их индивидуальных особенностей, означает отказ буржуазного автора от познания объективной закономерности общественной жизни. Порочность этой антитезы кроется в неверном противопоставлении «теоретико-познавательной точки зрения» «объективной действительности», «предметам» и «процессам», имеющим место в природе или человеческом обществе независимо от человеческого сознания. Выраженная в «Методологии» Лаппо-Данилевского теория представляла собой наступление на революционный марксизм, который утверждает, что «материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от

⁴¹ «Проблемы идеализма». Сборник статей под ред. П. Н. Новгородцева, стр. 394—490. М. 1902.

⁴² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 96—97.

⁴³ Там же, стр. 97.

⁴⁴ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. 1, стр. 66. СПб. 1910.

сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности». Поэтому наука об истории общества «может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология»⁴⁵.

Лаппо-Данилевский отрицает объективную закономерность общественных явлений. С его точки зрения, понятие закономерности является лишь продуктом человеческого сознания. Поэтому он утверждает, что построение теории исторического знания может быть различным, смотря по тому, производится ли оно с номотетической или идиографической точки зрения, т. е. в зависимости от направления человеческого сознания⁴⁶. Первый выпуск «Методологии истории» и посвящён разбору этих двух возможных систем построения теории исторического знания. Сам Лаппо-Данилевский выступил в основном защитником «идиографического» познания исторической действительности.

Отрицая материалистическое понимание явлений общественной жизни, выступая с идеалистических позиций неокантианства, Лаппо-Данилевский определяет задачу истории как изучение прошлого человечества, состоящего «из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединить всех». По мере «объединения своего сознания» человечество всё более становится «великой индивидуальностью». Эта «великая индивидуальность» «стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить её в истории, воздействуя таким образом и на тот универсум, частью которого она оказывается». Такое воздействие предполагает, однако, «наличность цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединённой и организованной деятельности членов целого, создающих культуру человечества, разумеется, в зависимости от той мировой среды, в которой им приходится действовать»⁴⁷.

В приведённом отрывке, определяя историю как науку, Лаппо-Данилевский исходит из порочных методологических предпосылок. История человеческого общества представлена им в религиозно-идеалистическом плане, как движение к прогрессу абстрактной «великой индивидуальности», как осуществление «общей цели для всего человечества, являющегося гармоническим целым». Таким образом, стирается закон общественного развития: раскрытие реальных противоречий социальной жизни, борьба классов, борьба нового и старого, растущего и умирающего, революционного и контрреволюционного⁴⁸. В условиях столыпинской реакции донятна классовая позиция реакционного буржуазного историка, призывающего к уходу в мир «абсолютных ценностей» из реальной исторической действительности, грозящей новой революцией.

С позиций буржуазного космополитизма Лаппо-Данилевский утверждал, что в процессе мировой истории раскрываются «абсолютные ценности», носителем которых является человечество как совокупность отдельных индивидуальностей, как «великая индивидуальность». Классовый смысл этого утверждения заключается в попытке оторвать историю идей от изменений в жизни общества, от тех условий, которые породили общественный строй «и с которыми они связаны»⁴⁹. Этот отрыв означал апологию капиталистического строя как отвечающего началам «вечной справедливости».

Таковы взгляды Лаппо-Данилевского на задачи исторической науки, раскрытые им в «Методологии истории». В связи с его общими теоретическими воззрениями находятся и представления о задачах и методах исторического источниковедения. «Всякий реализованный продукт челове-

⁴⁵ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 545, 544.

⁴⁶ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. I, стр. 67.

⁴⁷ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 332—333. СПб. 1913.

⁴⁸ См. И. В. Сталин. Соч. Т. I, стр. 298.

⁴⁹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 539.

ческой психики, — пишет Лаппо-Данилевский, — поскольку он представляется историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества, называется историческим источником»⁵⁰.

Лаппо-Данилевский подходит к источникам с буржуазно-идеалистических позиций, рассматривая их лишь как продукты «человеческой психики», отрывая «психику» от материального базиса. Он затушёвывает то обстоятельство, что «человеческая психика» — это производный фактор, а определяющим фактором исторического процесса является объективно закономерное развитие производительных сил и производственных отношений. Только такой анализ источников, который основывается на марксистско-ленинской методологии, позволяет раскрыть эту закономерность.

Неокантианские методологические предпосылки лежат и в основе классификации источников, которую предлагает Лаппо-Данилевский. Он выдвигает два различных критерия деления источников на группы: с «познавательной» и «реалистической» точек зрения. С первой точки зрения, «принимая во внимание степень близости познающего субъекта, т. е. историка, к объекту его изучения, или степень непосредственности его знания о таком историческом факте, можно установить два основных вида источников: исторические остатки и исторические предания». Остаток культуры — это «непосредственный результат некоей психо-физической деятельности человека, её след, запечатлённый в образе, доступном восприятию историка»⁵¹. Под историческим преданием подразумевается «отражение какого-нибудь факта в источнике... результат того впечатления, которое он произвёл на автора предания, реализовавшего его в данном материальном образе»⁵². Но «познавательную» точку зрения, которая лежит в основе только что указанного деления, автор отличает от «реалистической», исходящей из изучения объективно данных источников.

Подобное рассуждение о принципах классификации источников исходит из противопоставления бытия сознанию, свойственного идеалистической, неокантианской теории познания. Марксистская историческая наука на основе изучения источников ставит своей целью познание конкретных явлений исторической действительности, объективно существующей и как таковой воспринимаемой мышлением. Марксистская наука исходит из представления о «конкретном» как сочетании «многочисленных определений» как «единстве многообразного». В мышлении оно «представляется как процесс соединения, как результат», в действительности — как «исходный пункт созерцания и представления»⁵³.

Делению источников с «познавательной» точки зрения Лаппо-Данилевский противопоставляет их классификацию на две группы по содержанию: источники с фактическим и источники с нормативным содержанием. Критерием деления и здесь служит характер психической деятельности человека. В зависимости от «факторов человеческой психики», принимавших участие в «творчестве» источников, историк приписывает им «самопроизвольный» или «регулирующий» характер. Под самопроизвольным творчеством разумеется такое, которое «естественно порождает данный источник, не имея в виду нормативных целей», а под регулирующим такое, «которое сознательно задаётся целью или установить нормы (истины, добра, красоты) или подчинить себя данным нормам»⁵⁴. Таким образом, в основе данной классификации лежит опять противопоставление с идеалистических позиций «факта» как продукта «самопроизвольной» психической деятельности «норме» как результату «регулирующей» деятельности человеческого сознания. В этом противопоставлении сказалось

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 374.

⁵¹ Там же, стр. 387.

⁵² Там же.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I, стр. 191.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 402.

присущее буржуазным авторам стремление к фетишизации абстрактной «нормы» как правила человеческого поведения, регулирующего «общественный быт».

Рассматривая человеческие «нормы» как далёкий, надклассовый идеал, Лаппо-Данилевский, по существу, вёл на идеологическом фронте борьбу против революционного пролетариата, наступавшего на «нормы» буржуазного общества.

Дав классификацию источников, Лаппо-Данилевский переходит к задачам их интерпретации и критики.

Под интерпретацией он подразумевает «подыскание того психического значения источника, которое более всего соответствует данным его чувственного восприятия, т. е. материальному образу источника»⁵⁵.

Критика, по мнению Лаппо-Данилевского, бывает двух видов: «критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника, как факта, и критика, устанавливающая научно-историческую ценность показаний источника о факте».

Эти определения порочны, как и вся система Лаппо-Данилевского, отрывающая источниковедение от явлений общественной жизни. Сущность и смысл интерпретации источников Лаппо-Данилевский сводит к тому, чтобы выяснить психическую направленность автора, соответствующую данным чувственного восприятия историка. Он игнорирует задачи интерпретации источников в целях понимания их смысла как документов классовой, политической, партийной борьбы, в целях раскрытия, почему определённое содержание облечено в соответствующую форму, и выяснения, в какой мере данная форма источника отражает его социально-экономическое и политическое содержание, не отстала ли она в своём развитии от реальных отношений общественной жизни. Это опять-таки объясняется общими реакционными позициями буржуазной историографии, боявшейся революционного подхода к явлениям исторической действительности со стороны передовой марксистско-ленинской науки. Для марксистско-ленинской науки критерием оценки источников является общественное бытие, положение классов, а не психология авторов. Психология является производным фактором и может быть объяснена лишь из бытия.

Уводя от классовой интерпретации источников, Лаппо-Данилевский различает несколько видов интерпретации в буржуазно-идеалистическом плане: психологическую, техническую, типизирующую, индивидуализирующую. Психологическое истолкование исторических источников основано, с его точки зрения, «на понятиях о единстве сознания и о его ассоциирующей или целепологающей деятельности», причём «такие принципы служат для истолкования произведений и индивидуального и коллективного творчества»⁵⁶. Техническая интерпретация источника «состоит в истолковании его смысла и назначения по техническим средствам, послужившим автору для осуществления своих мыслей, т. е. по его материалу, по его форме и т. п.»⁵⁷.

Подобное выделение двух отдельных видов интерпретации (психологической и технической) основано у Лаппо-Данилевского на отрыве формы источника от его содержания и на узком и ограниченном понимании и формы и содержания. Такой отрыв является следствием общего противопоставления «вещей в себе» «явлениям», из которого исходит теория неокантианства, отрицающая тот факт, что «идеальная и материальная стороны суть две различные формы одной и той же природы или общества»⁵⁸. Положение Лаппо-Данилевского о том, что «единства» и «целепологающая» или «ассоциирующая» деятельность индивидуального (или коллективного) сознания, отражённая в источнике, являются критериями для его

⁵⁵ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 408.

⁵⁶ Там же, стр. 432.

⁵⁷ Там же, стр. 438.

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. Т 1, стр. 312.

интерпретации, порочно, потому что оно исходит из сознания, считая его первичным, определяющим.

Столь же несостоятельно утверждение Лаппо-Данилевского о необходимости применения двух различных методов интерпретации: типизирующего и индивидуализирующего. С помощью типизирующего метода интерпретации историк якобы получает возможность «выяснить те родовые признаки источника, которые объясняются реальной его зависимостью от среды, т. е. от данного состояния или периода культуры»⁵⁹. При помощи индивидуализирующей интерпретации «историк пытается проникнуть в тайники личного творчества автора и даже хочет в известном смысле, по возможности, лучше его самого понять его произведение»⁶⁰.

В основе противопоставления двух методов интерпретации — типизирующего и индивидуализирующего — лежит общая порочная предпосылка о принципиальной противоположности двух теоретико-познавательных точек зрения — генерализирующей и индивидуализирующей — и двух разрядов наук — номотетических и идиографических. «Теоретико-познавательные» точки зрения, привносимые сознанием, противопоставляются объективной действительности, закономерность развития которой тем самым отрицается. Научная интерпретация источников должна, напротив, исходить из того, что существует объективно, независимо от разных «точек зрения». Правильной является та «точка зрения», которая соответствует объективной действительности и правильно отражает ход развития природы и истории. Сила марксизма-ленинизма заключается в том, что это учение основано на познании законов объективной жизни.

Исключительно догматично представление Лаппо-Данилевского о критике источников. Критика, «устанавливающая научно-историческую ценность источника, как факта», выясняет, «действительно ли данный источник существует или не существует в качестве такового».

Лаппо-Данилевский признаёт, далее, что для историка недостаточно «самого факта существования» источника. Надо выяснить, в какой мере он может служить для познания исторической действительности. Но ведь сделать это можно, только отказавшись от противопоставления «источников» и «явлений», но именно «китайскую стену» между ними ставит Лаппо-Данилевский, пользуясь различными критериями применительно к актам в роли «источников» и в роли «явлений». Против такой позиции боролся В. И. Ленин, указывая, что «решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может»⁶¹.

Под «критикой показаний источника о факте» Лаппо-Данилевский понимает «теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности». Автор различает несколько видов критики: научную, моральную, эстетическую, — в зависимости от того, «относит ли субъект изучаемый им объект к научной, моральной или эстетической ценности, т. е. будет ли он судить о нём с точки зрения истины, добра, или красоты»⁶². Фетишизация абстрактных «норм» заключалась в конечном итоге в апологии тех общественных отношений, которые эти нормы породили.

Философская система неокантианства, последовательным проводником которой в России был Лаппо-Данилевский, получила широкое распространение в среде буржуазной интеллигенции в период, непосредственно предшествующий Октябрьской социалистической революции. Её пережитки, как показывают работы Д. М. Петрушевского, были сильны среди буржуазных историков и после Октября.

⁵⁹ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 493.

⁶⁰ Там же, стр. 495.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 90.

⁶² Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. II, стр. 518--519.

Идеалистическая и космополитическая теория Лаппо-Данилевского, изложенная в «Методологии истории», определила и характер его конкретно-исторических работ⁶³.

После Октябрьской социалистической революции приходится говорить уже не столько о новых трудах Лаппо-Данилевского (он умер в начале 1919 г.), сколько о посмертной публикации старых работ. Но игнорировать их нельзя по двум причинам. Во-первых, они приняли особенно ярко выраженное антимарксистское направление и враждебный советской действительности характер. Во-вторых, они оказывали определённое влияние на представителей старой, буржуазной школы историков и мешали их переходу на марксистские позиции.

Итоговый характер в разработке с реакционно-буржуазных позиций методологических проблем исторической науки носил выпущенный в свет в переработанном виде, вначале на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» (1917 г., ноябрь—декабрь) и «Известий Российской Академии наук» (1918 г. №№ 6, 7, 9, 11 и 13), а затем, в 1923 г., отдельным изданием, первый выпуск «Методологии истории». В этом труде автор открыто выступает против марксистско-ленинской теории. Последние параграфы «Методологии истории» содержат враждебные выпады против марксистско-ленинской науки. Автор, солидаризируясь с противниками революции, сочувственно говорит о «замене материалистических основ социалистического понимания истории трансцендентно-идеалистическими» со стороны «ревизионистов», «радикалистов», «приверженцев неокантианской социальной философии», ставит вопрос о «переработке исторического материализма в духе эмпириокритицизма»⁶⁴ и т. д. В этих параграфах Лаппо-Данилевский принимает сторону таких врагов революционного марксизма, как Каутский, Бернштейн, Струве, защищает разгромленные Лениным взгляды Маха и Авенариуса и др. В целом «Методология истории» в издании 1923 г. свидетельствует о том, что поборники неокантианской философии в исходных своих пунктах и конечных выводах непримиримо враждебны марксистско-ленинской, подлинной науке.

В рассматриваемый период деятельности Лаппо-Данилевский сделал попытку применить свои теоретические взгляды к разработке проблем актового источниковедения. Из его лекций, прочитанных на «Архивных курсах», возник опубликованный в 1920 г. «Очерк русской дипломатии частных актов», повторивший и даже усиливший ошибочные установки второго выпуска «Методологии истории» (1913).

Рассматривая акты как источники «с нормативным содержанием», Лаппо-Данилевский делит дипломатику как науку об актах на два раздела: документальное источниковедение и документальное построение актов. Документальное источниковедение «выясняет принципы и приёмы интерпретации и критики актов». Документальное построение «выясняет происхождение актов, их состав, разновидности их формуляров, выработанных в разных канцеляриях, способы их удостоверения и т. д.»⁶⁶.

Деление дипломатики на два раздела, которое предлагает Лаппо-Данилевский, исходя из неокантианской гносеологии, утверждает двойную сущность актов: как «источников» и как «явлений». Дипломатика, по словам Лаппо-Данилевского, ставит себе двоякую задачу: она изучает

⁶³ Лаппо-Данилевский А. Идея государства и главнейшие моменты её развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований («Голос минувшего» № 12 за 1914 г.) и др.

⁶⁴ Лаппо-Данилевский А. Методология истории, вып. I, стр. 260—269. Пг. 1923.

⁶⁶ Лаппо-Данилевский А. Очерк русской дипломатики частных актов. стр. 50—51.

акты «как источник и как явление». Эти неокантианские основы уже давно были разбиты В. И. Лениным. В. И. Ленин пишет: «Миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», возникновение «явлений», когда наши органы чувств испытывают толчок извне от тех или иных предметов,— исчезновение «явлений», когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувств»⁶⁷.

Документальное источниковедение, по мнению Лаппо-Данилевского, состоит из интерпретации и критики актов. Документальное построение актов он разбивает на два процесса: анализ и синтез их. Источниковедческий анализ складывается из трёх моментов: анализа исторического, дипломатического, юридического. Исторический анализ занимается выяснением обстоятельств места и времени происхождения акта. Анализ дипломатический выясняет типический формуляр данной группы актов. Анализ юридический раскрывает характер того юридического действия, которое облечено в форму акта⁶⁸.

Диалектический подход к источникам не совместим с чисто формальными абстрактными определениями, не учитывающими исторического развития общества в процессе классовой борьбы. Марксистско-ленинское источниковедение считает главной задачей при изучении актов их классовый анализ. Буржуазное источниковедение стремится затушевать классовые противоречия и поэтому изучает акты в формальном плане, вне связи с историей общественных отношений.

Дефекты методологии Лаппо-Данилевского особенно дают себя чувствовать в определении задачи дипломатического и юридического анализа актов. Дипломатический анализ, по мнению Лаппо-Данилевского, с применением методов грамматического, графико-статистического и символически-аналитического, определяет типический формуляр подвергаемой анализу группы актов. «Клаузулы (отдельные юридические формулы.— Л. Ч.), явно преобладающие в составе данной группы, получают значение типических, т. е. средних, в отношении которых можно рассматривать и наблюдаемые от них отклонения». Типический формуляр, «представляя из себя как бы средний вывод из известного числа наблюдений» над «формулярами отдельных актов», «может быть представлен одним из них, но может и не совпасть ни с одним из них в его целокупности»⁶⁹.

Подобный метод установления «среднего» формуляра, не совпадающего с конкретными актовыми формулярами и имеющего идеально-типический характер, давно уже подвергнут критике в глубоких исследованиях В. И. Ленина. В. И. Ленин отверг метод «средних» цифр, разбирая материалы фабрично-заводской и сельскохозяйственной статистики конца XIX века. Он отметил фиктивность этих цифр и затушёвывание ими классовых противоречий⁷⁰. Указания В. И. Ленина вполне применимы и при статистическом анализе актового материала. Цифровые данные могут оказать услугу исследователю лишь в той мере, в какой они иллюстрируют реальные общественные отношения. Использование статистических данных в целях создания «среднего» типического формуляра научно не оправдано.

Чисто формальный характер придаёт А. С. Лаппо-Данилевский юридическому анализу: «Без предварительного понятия об общем характере

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 91. Изд. 4-е.

⁶⁸ См. Лаппо-Данилевский А. Очерк русской дипломатики частных актов, стр. 122, 124, 135, 158.

⁶⁹ Там же, стр. 124, 143 и 146. Этот метод Лаппо-Данилевский применял к изучению служилых кабал. См. его работу «Служилые кабалы позднейшего типа» («Сборник статей в честь В. О. Ключевского», М. 1909).

⁷⁰ См. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 203; т. 2, стр. 349, 373—374; т. 4, стр. 30.

той юридической сделки, которая облечена в письменную форму частного акта (работа А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике посвящена именно частным актам.— Л. Ч.), нельзя уразуметь его смысл», «при помощи юридического анализа можно также точнее провести границы между публичным и частным актом», «юридический анализ даёт также возможность проводить различие между более или менее однородными актами, которые иногда смешиваются»⁷¹ — и т. д. Слабость методологии Лаппо-Данилевского заключается в отрыве формы актов от их содержания. «Характер юридической ссылки», облечённый в форму акта, не может быть раскрыт путём анализа только юридического формуляра, оторванного от конкретных явлений общественной жизни. Маркс ярко показал, как старая форма часто используется для нового содержания. Подобное явление он назвал очень метко «заклинанием мёртвых». «Как раз тогда, когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделявают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освящённом древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории»⁷². Поэтому анализ одной формы в отрыве от содержания мешает правильному пониманию актов, их классовой сущности и политической направленности.

Очерк дипломатики А. С. Лаппо-Данилевский заканчивает определением сущности синтеза актов, следующего непосредственно за их анализом. «Синтез акта, — говорит автор, — состоит в выяснении того, что придаёт ему некоторое единство: цель, в виду которой акт составлен, обуславливает, например, то, а не иное соотношение его элементов; интерес, удовлетворению которого он служит, придаёт ему более или менее цельный характер и т. п.»⁷³. Однако разделение аналитических и синтетических процессов, предлагаемое Лаппо-Данилевским, носит механический характер. Диалектический метод связывает эти процессы в единый путь от «хаотического представления о целом» к «богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями», «от абстрактных определений» к «воспроизведению конкретного путём мышления». «Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное»⁷⁴.

Итак, пытаясь теоретически обобщить на основе неокантианских предпосылок свои источниковедческие приёмы, разрабатываемые начиная с магистерской диссертации, автор зашёл в тупик. Положительные рецензии на «Очерк русской дипломатики частных актов», принадлежащие С. Н. Валку, А. Е. Преснякову и др., показывают, что взгляды Лаппо-Данилевского пользовались большим распространением.

Советское марксистско-ленинское источниковедение должно исходить из определения исторических источников как памятников прошлого, отражающих реальные явления общественной жизни, и как материалов для изучения объективной закономерности общественного развития. Классификация источников должна руководствоваться марксистско-ленинским учением об обществе.

Поскольку стержнем общественного развития является история производительных сил и производственных отношений, постольку первую группу источников должны составить памятники, содержащие материал для истории социально-экономических отношений. На основе деления

⁷¹ Лаппо-Данилевский А. Очерк русской дипломатики частных актов, стр. 158—160.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 323.

⁷³ Лаппо-Данилевский А. Очерк русской дипломатики частных актов, стр. 164.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I, стр. 191.

общества на антагонистические классы возникает государство как орган господствующего класса, выполняющий две функции: внутреннюю — главную — и внешнюю — неглавную. Отсюда вторая группа источников: памятники внутренней и внешней политики государства. Классовая структура общества определяет его идеологию. Поэтому третью группу источников должны составить памятники, характеризующие историю общественной мысли⁷⁵. Конечно, в известной мере эта классификация носит условный характер, так как отдельные источники могут быть использованы для изучения исторического процесса в разных направлениях. Следовательно, при такой классификации в каждом отдельном случае следует выяснять основное значение каждого источника как объекта изучения.

Указанной классификации источников, исходящей из отражения в них основных явлений общественной жизни, должна быть подчинена классификация по способу передачи явлений прошлого (памятники вещественные, памятники языка и устной словесности, памятники письменные и печатные). Среди письменных и печатных источников также выделяется ряд разновидностей по своему содержанию и назначению (акты, законодательные памятники, повествовательные материалы и т. д.), происхождению (материалы вотчинных, фабрично-заводских, государственных архивов и т. д.), форме (различные виды актов, повествовательных памятников и т. д.). Но всё это уже вторичная классификация, подчинённая основной.

Марксистским методом изучения источников является их классовый анализ, при помощи которого раскрываются их происхождение, содержание, назначение и значение для изучения явлений общественной жизни.

Вопросами происхождения источника (подлинность, время, место, первоначальный текст, автор, обстоятельство) занимается главным образом внешняя критика, которую надо понимать не в смысле изучения одних внешних, формальных данных источника, а в смысле уяснения истории его создания. Интерпретация источника устанавливает его назначение (смысл, тема, задачи); внутренняя критика раскрывает содержание источника в целях выяснения его общего значения в изучении эпохи (достоверность, полнота, направленность).

Подчинение всех трёх названных моментов источниковедческой работы (внешняя и внутренняя критика, интерпретация) задачам классового анализа ставит своей целью в каждой группе источников (касающихся социально-экономических отношений, внутренней и внешней политики, идеологии) выявить отражение в них интересов антагонистических классов и показать классовую и внутрикласовую борьбу в социально-экономической жизни, политике и идеологии.

Анализ источников неразрывно связан с их синтезом, который заключается в обобщении данных, полученных в результате анализа ряда источников как одной эпохи, так и разновременных эпох, в целях выяснения их значения для изучения объективной закономерности исторического процесса. Тесное сочетание аналитических и синтетических задач приводит к установлению взаимосвязи источников, вскрывающей борьбу старого и нового, отмирающего и нарождающегося, революционного и контрреволюционного, намечающей общие линии истории общества.

Лаппо-Даничевский был учёным с большой эрудицией. Он ввёл в научный оборот ряд новых источников. Но вся его методология в корне порочна и враждебна марксистско-ленинской науке. В целом историче-

⁷⁵ Эта классификация источников была предложена А. А. Зиминим при составлении программы по источниковедению в Московском историко-архивном институте.

ские работы Лаппо-Данилевского — показатель глубокого кризиса буржуазной исторической науки периода империализма.

Лаппо-Данилевский создал школу учеников (С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. И. Андреев и др.), которые, к сожалению, не сумели полностью преодолеть методологии своего учителя. Пережитки этой методологии дают себя знать до последнего времени. С. Н. Валк в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»⁷⁶ стремился связать развитие советской исторической науки с наследием Лаппо-Данилевского. Тот же автор допустил переоценку археографических приёмов А. С. Лаппо-Данилевского, считая их «образцом» для советских изданий документов⁷⁷. Б. А. Романов в своей книге «Люди и нравы древней Руси» возвращается к методам психологической и типизирующей интерпретации источников, развитых Лаппо-Данилевским. Его не удовлетворяет в историческом исследовании феодального общества применение «отстоявшихся социальных категорий» («народные массы, вовлечённые в сеньорию», «они же, оставшиеся в составе общины», «феодалы двух видов, светские и церковные»). Ему кажется необходимым «ввести мотив перекликания» в «симбиоз этих категорий и мотив внутрикатегоричных пустот». Его интересует «поперечная динамика, мятущая этих людей как в географическом, так и в социальном пространстве — пока-то их прочно прильёт к тому или иному берегу, определённом стандарту». В результате этих довольно отвлечённых рассуждений Б. А. Романов приходит к мысли о необходимости введения в своё изложение «культурно-исторического типа» «в качестве живого действующего лица и как своего рода реактива при пользовании иными историческими памятниками с их стандартными формулировками»⁷⁸. Таким образом, классовый анализ источников подменяется их психологической интерпретацией и идеально-типическими построениями. А. И. Андреев на основе второй части «Методологии истории» Лаппо-Данилевского строил программу по источниковедению. Пережитки методологии А. С. Лаппо-Данилевского в работах А. И. Андреева привели его к переоценке западноевропейских влияний в реформаторской деятельности Петра.

Необходимо полное преодоление порочных принципов исторического исследования, которыми пользовался Лаппо-Данилевский. Это возможно лишь в результате глубокого овладения марксистско-ленинской теорией.

⁷⁶ См. «Труды Юбилейной сессии Ленинградского Государственного университета», секция исторических наук, стр. 52—54. Л. 1945.

⁷⁷ Валк С. Советская археография, стр. 45. М.-Л. 1948.

⁷⁸ Романов Б. Люди и нравы древней Руси, стр. 9—10. Л. 1947.